

А. В. Шпунтов (*Гверь*),
А. Е. Богданов (*Австрия*)

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ГЕРБЫ НЕКОТОРЫХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ ЧЕРНИГОВЩИНЫ (ПУЧКОВСКИЕ, РУБЦЫ, ЗАБЛОЦКИЕ)

По каждому из трех малороссийских родов – Пучковских, Рубцов и Заблоцких – генеалогический материал собирался независимо друг от друга, но неожиданно выяснилось, что эти роды связаны узами отдаленного и неявного родства, и у всех есть гербы, которые содержат некоторую интригу.

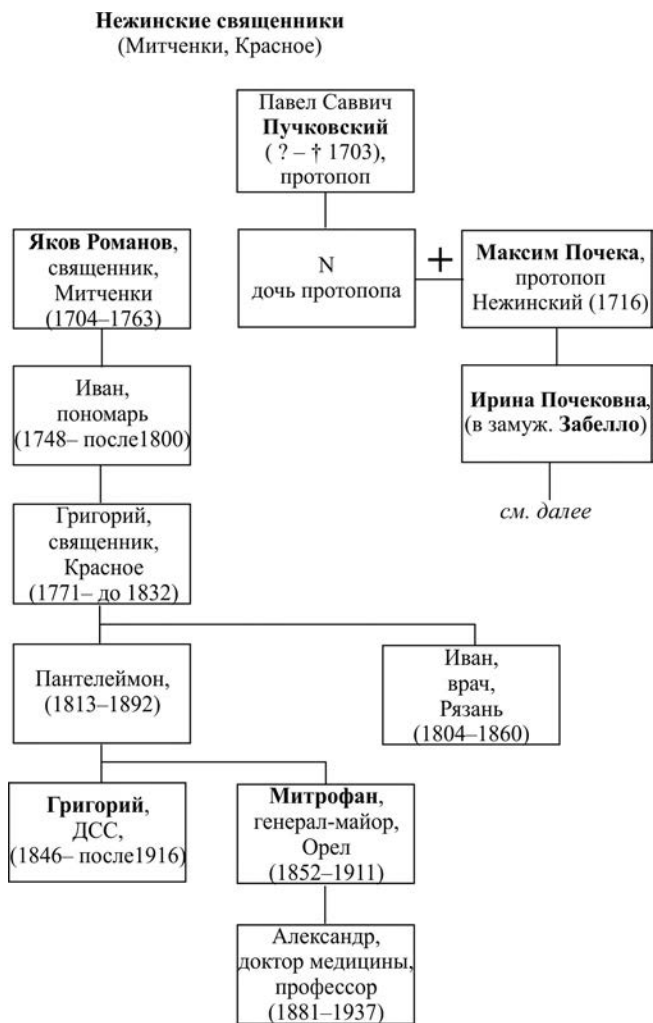
Сначала немного генеалогии.

Связующим звеном выступает род **Пучковских**, обширный материал по которым собрал их потомок А. Е. Богданов, соавтор генеалогической части данной статьи. Фамилия Пучковских принадлежит нескольким польским и литовским родам неизвестных, как думалось, гербов. В Российской империи распространены Пучковские, внесенные в родословные книги Волынской, Гродненской, Рязанской, Черниговской и Орловской губерний и, скорее всего, связанные едиными корнями.

Самое раннее упоминание о Пучковских на землях Великого княжества Литовского относится к 1597 году. Пан Хведар (Федор) Пучковский был управляющим удаленных владений Киево-Печерского монастыря при униатском митрополите Рогозе¹. В 1600 году он же указан как служитель митрополита Ипатия Поцея, видного базилианина, и урядник (от *urzędnic* – административно-должностное лицо Речи Посполитой) «Менский и Прылепский»². Похоже, что потомки Хведара были хорошо вознаграждены за его службу митрополиту Поцею. В 1660-е годы настоятелем Жировицкого монастыря был Бонифаций Пучковский, который короткое время являлся главой униатского Ордена базилиан, и почти 20 лет, начиная с 1667 года, занимал должность проконсультора («советника» – одного из самых влиятельных чинов в иерархии ордена)³. От Хведара пошла белорусская линия рода (где вначале были униатские, а затем православные священники), а также волынская линия, которая была внесена в шестую часть Родословной книги Волынской губернии.

Первое известное нам упоминание Пучковских на землях Черниговщины датируется 1606 годом и связано с именем попа Максима из села Митченки близ Батурина⁴, вероятно, тоже потомка Хведара, переселившегося сюда и поменявшего свою веру ради новых доходных мест. Он явился родоначальником 300-летней разветвленной священнической династии.

Две ветви рода выделяет в «Малороссийском родословнике» В. А. Модзалевский. Первая происходит от нежинского протопопа Павла Саввича (конец XVII века) (ил. 1)⁵.

Ил. 1. Фрагмент генеалогической таблицы рода Пучковского:
Нежинские священники. Составитель А. Е. Богданов

Эта ветвь породнилась с родом Почеков (у Модзалевского Почеки и Пучковские объединены), восходящим к сербскому митрополиту. Нежинские протопопы в то время были серьезными политическими фигурами, поскольку именно на территории Нежинского полка располагалась гетманская столица Батурин.

Возможно, от другого брата протопопа происходит еще одна ветвь: представитель этой ветви священник названного выше села Митченки Яков Романов (1704–1763) упомянут у В. А. Модзалевского вне росписи рода. Потомок Якова военный врач Григорий Пантелеймонович (ил. 2) был причислен к дворянскому сословию по ордену Святого Владимира 4-й степени в 1895 году. Известен и его брат – генерал-майор Митрофан Пантелеймонович (1852–1911) (ил. 3).

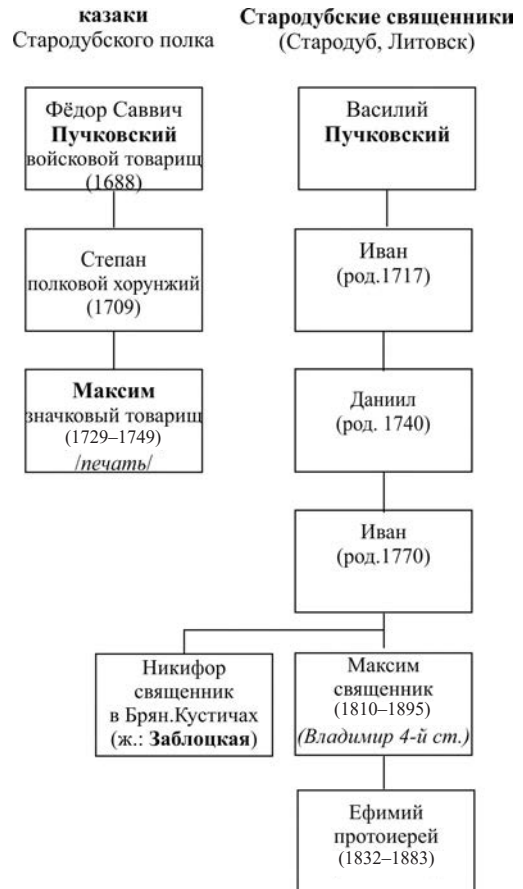
Вторая ветвь происходит от Федора Пучковского (? – до 1709), войскового товарища Стародубского полка (возможно, брата Павла Саввича). Помимо этого, известна еще

Ил. 2. Григорий Пантелеймонович Пучковский, военный врач. 1909. Фотография В. Д. Бонислаского. Коллекция А. Е. Богданова

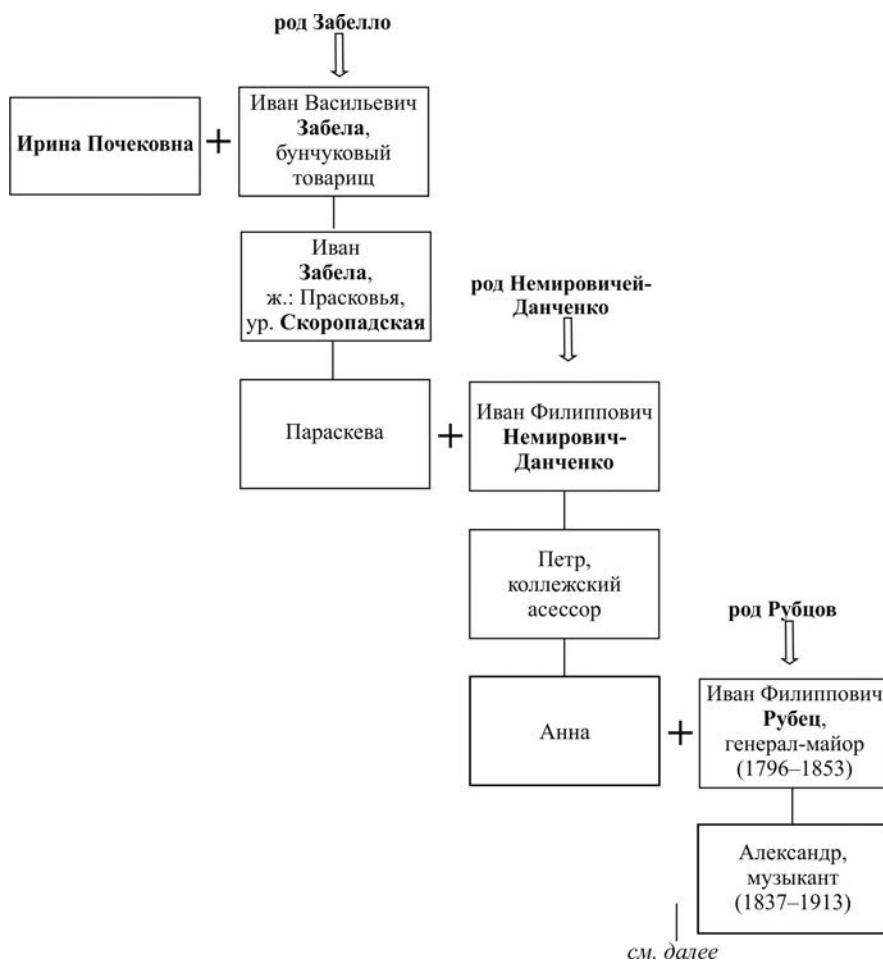
Ил. 3. Митрофан Пантелеймонович Пучковский, генерал-майор. 1910. Фотография. Коллекция А. Е. Богданова

Ил. 4. Фрагмент генеалогической таблицы рода Пучковского: казаки Стародубского полка и священники Стародубского уезда. Составитель А. Е. Богданов

одна ветвь рода, осевшая в селе Литовске под Стародубом, отсутствующая у Модзалевского и восходящая к некоему Василию Пучковскому (конец XVII века) (ил. 4). Его потомок – священник Максим Иванович – был причислен к потомственному дворянству в 1886 году по ордену Святого Владимира 4-й степени⁶.

Несмотря на то, что этот казацко-старшинский род не был утвержден в древнем дворянстве и отдельные его ветви смогли получить только служилое дворянство, это не мешало им породниться с самыми знатными родами Малороссии.

Ил. 5. Фрагмент генеалогической таблицы: Почеки-Пучковские, Забелло, Немировичи-Данченко, Рубцы. Составитель А. Е. Богданов

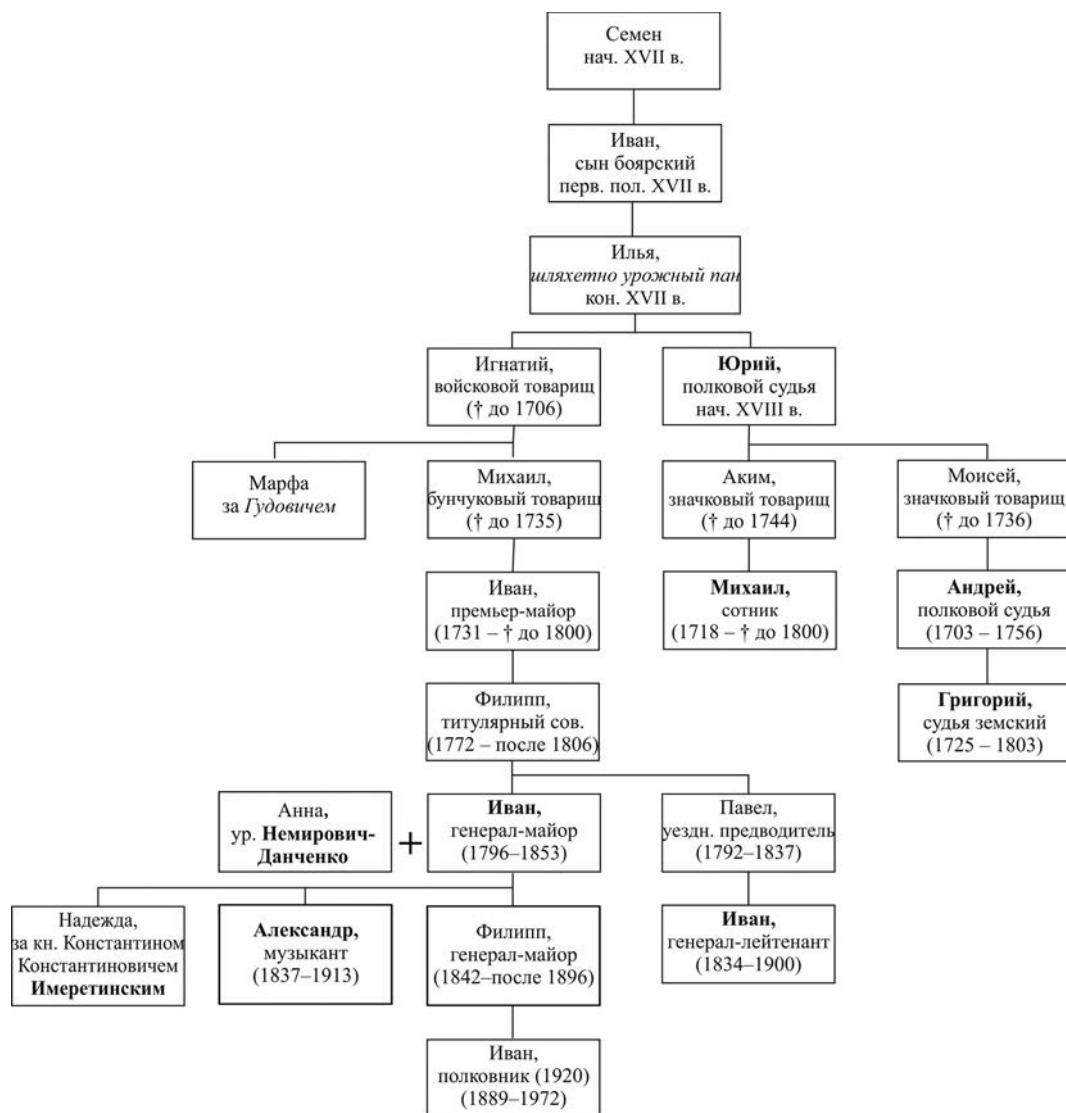
Внучка Павла Саввича Ирина Иеронимовна Почека вышла замуж за бунчукового товарища Ивана Васильевича Забелло. Рожденный в этом браке сын Иван, правнук нежинского протопопа Пучковского, был женат на племяннице гетмана Ивана Скоропадского Прасковье Васильевне⁷. Дочь Ивана Ивановича Забелло Параскева вышла замуж за Ивана Филипповича Немировича-Данченко.

В этом браке родился сын Петр, коллежский ассессор, чья дочь Анна вышла замуж за генерал-майора Ивана Филипповича Рубца (1796–1853) (ил. 5).

Один из сыновей последнего Александр Иванович Рубец (1837–1913), известный музыкальный деятель, со дня рождения которого в этом году исполняется 185 лет и чья жизнь тесно связана со Стародубом, городом, где его помнят и почитают, является, таким образом, потомком в седьмом колене протопопа Пучковского...

О роде **Рубцов** можно говорить много и долго, что не соответствует нашей задаче.

Род этот древнейший, укорененный на Стародубщине, происходит из местных землевладельцев на пограничных землях Московского государства и Речи Посполитой.

Ил. 6. Фрагмент генеалогической таблицы рода Рубцов.
Составитель А. В. Шпунтов

Рубцы владели здесь землями, «маетностями», пожалованными еще «великими князьями» либо в конце XV века (русскими князьями на литовской службе, когда Стародуб был в составе Великого княжества Литовского), либо в начале XVI века, когда Стародуб отошел к Москве, к великому князю Московскому (до титулования его царем)⁸.

Еще А. М. Савелов, известный русский генеалог, отмечал, что новое малорусское дворянство (после вхождения Малороссии в состав России) чуть ли не все целиком образовалось из казацкой старшины, которая сформировалась из военного сословия, выдвинувшегося из рядовых казаков. Именно поэтому Герольдия скептически относилась к доказательствам дворянства, предъявляемым малороссиянами, и трудности возникали даже у тех, кто действительно происходил из шляхты Речи Посполитой,

в нашем случае и у Заблоцких, и у Пучковских, получивших дворянство по выслуге. Насчет рода Рубцов тот же Савелов делает исключение: «...существовало, впрочем, несколько фамилий, которые действительно пользовались раньше дворянскими правами, это были: Лизогубы, Горленко, Божко, Рубцы, Бороздны... и некоторые другие»⁹. Показательно, что в метрических книгах и «исповедках» XVIII века Рубцы, в отличие от многих из казацкой старшины, титулуются периодически словом «господин» (например, так: «Войсковой товарищ Иоан Михайлов господин Рубец») ¹⁰.

Показательно, что даже герб себе Рубцы выбрали не только по созвучию со своей фамилией (герб Rubiesz, Рубеш или Рубеж – это, по-польски, «граница», «окраина»), но и с намеком на пограничное положение своих землевладений¹¹.

К гербу мы еще вернемся.

Причислением к дворянству и гербом озаботился Григорий Андреевич Рубец (ок. 1727–1803), топальский сотник и земский судья повета Стародубского. Иван Филиппович приходился ему дальним родственником. Род внесен в шестую часть дворянской родословной книги Черниговской губернии (ил. 6)¹². Род Рубцов хорошо изучен, правда, внимание, как правило, уделяется лишь Александру Ивановичу, музыканту (ил. 7, 8), который, конечно, был выдающимся представителем рода, но не единственным, достойным интереса. Вот, к примеру, не часто упоминаются его сестры, между тем как одна из них, Надежда Ивановна, княгиня Имеретинская (1839 – ?), была замужем за светлейшим князем Константином Константиновичем Имеретинским, внуком царя Имеретии Давида III¹³. Их дочь Мария была замужем за К. Шиловским, дружившим с П. И. Чайковским.

Кроме того, почти забыт ныне двоюродный брат нашего музыканта Иван Павлович (1834–1900), герой Крымской войны, комендант Выборгской крепости, генерал-лейтенант (ил. 9). Или вот – ирония судьбы! – племянник Александра Ивановича,

Ил. 7. И. Е. Репин. Запорожцы. 1880–1891. Государственный Русский музей. Фрагмент: Тарас Бульба, прототипом которого стал профессор Петербургской консерватории Александр Иванович Рубец

Ил. 8. Сувенирный значок с портретом А. И. Рубца. Коллекция А. В. Шпунтова

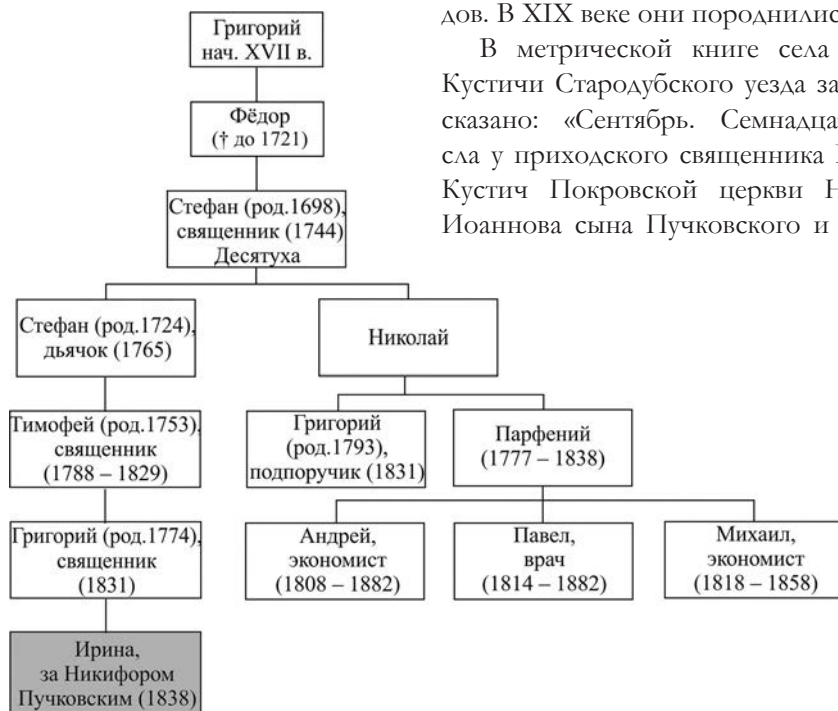
Ил. 9. Иван Павлович Рубец, генерал-лейтенант, участник Крымской войны. Фотография. Воспроизводится из: *Рерберг П. Ф. «Севастопольцы».* Участники 11-месячной обороны Севастополя в 1854–1855 годах. [Вып. 1]. СПб., 1903. С. 62

посвятившего жизнь русской музыкальной культуре, Иван Филиппович окончил свои дни на чужбине (в 1972 году, в Наюке, штат Нью-Йорк), будучи участником Белого движения, а затем Русского охранного корпуса, сражающегося в Югославии на стороне нацистов¹⁴...

Теперь обратимся к третьему роду, который вынесен в заглавие нашей статьи. Это род **Заблоцких (Заблоцких-Десятовских)**, с которыми Пучковские пересеклись, причем не единожды.

В «Декретах Литовского Трибунала»¹⁵ есть любопытный документ № 118 от 31 августа 1666 года «По делу Жировицкого монастыря с Заблоцкими», в котором говорится о противостоянии базилиан в лице уже названного нами ксендза Бонифация Пучковского и православных, во главе которых был некий Заблоцкий. По всей видимости, это первое совместное упоминание представителей этих родов. В XIX веке они породнились.

В метрической книге села Бряновы Кустичи Стародубского уезда за 1838 год сказано: «Сентябрь. Семнадцатого числа у приходского священника Бряновых Кустич Покровской церкви Никифора Иоаннова сына Пучковского и законной

Ил. 10. Фрагмент генеалогической таблицы рода Заблоцких.
Составитель А. В. Шпунтов

его жены Ирины Григорьевой дочери Заблоцковны родилась дочь София» (ил. 10)¹⁶.

И Пучковские, и Заблоцкие – на Стародубщине преимущественно священники. В росписи Модзалевского их нет.

Заблоцкие (Заблоцкие-Десятовские) – малороссийский дворянский род. Предок, Григорий Заблоцкий, был генеральным возным Люблинского трибунала в начале XVII века. Его потомки в конце того же столетия переселились в Малороссию, где занимали не самые высокие старшинские уряды в Стародубском полку. Согласно устоявшемуся мнению, поселились Заблоцкие под Стародубом, в Десятухе, что и послужило образованию второй составляющей фамилии – Десятовские¹⁷. (Чаще всего они упоминаются в источниках как просто Заблоцкие, значительно реже как Десятовские; с тех пор, как к представителям рода пришла известность, – как Заблоцкие-Десятовские, а в документах, поданных на утверждение дворянства, – как Десятовские-Заблоцкие.)

Шляхетский род Заблоцких (Zablocki) герба Бялыня (Białunia) (впрочем, есть ветви и других гербов) весьма разветвлен. Его представители встречаются и на Украине, и в Белоруси, и, конечно, в Польше. Во дворянстве в свое время были утверждены смоленские, киевские, минские, витебские, виленские и другие Заблоцкие. Но нас интересуют Заблоцкие Черниговской губернии. Мы сознательно ограничиваем нашу работу только Стародубщиной и только ветвью Десятовских.

На Стародубщине они получили известность как священники, а в Российской империи род прославили братья Андрей и Михаил (экономисты) и Павел (хирург) Парфеновичи. Андрей и Михаил Парфеновичи похоронены в Петербурге, на Смоленском кладбище¹⁸ (ил. 11).

Заблоцким не удалось доказать свое шляхетское происхождение (хотя их род уверенно прослеживается по исповедальным ведомостям с 1721 года), и дворянство они получали по высуге.

На этом мы закончим генеалогический обзор и обратимся к гербам.

Ил. 11. Надгробие А. П. Заблоцкого на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. Фотография А. В. Шпунтова

Ил. 12. Герб Гоздава. Воспроизводится из:
Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego.
Т. 4. Lipsk, 1841. S. 249

Ил. 13. Печать Максима Пучковского
1743 года. Воспроизводится из:
*Ситий І. Козацька Україна: печатки,
герби, знаки та емблеми кінця
XVI–XVIII століть. Київ, 2017. С. 619*

Ил. 14. Герб Пелеш. Воспроизводится из:
Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego.
Т. 7. Lipsk, 1841. S. 288

Герб рода Пучковских. В энциклопедическом издании польского геральдиста Т. Гайля¹⁹ о Пучковских сказано лишь, что герб их неизвестен. Однако, разбирая дела о доказательстве дворянства, нам попалось указание на то, что, по крайней мере, у одного из родов этой фамилии был герб Гоздава. Представители этого рода проживали на Волини, в Житомире, и были внесены в шестую часть родословной книги. В деле отмечена выписка «из книг городских Житомирского уезда 1730 года Апреля 9 дня» с упоминанием Александры Пучковской, урожденной Менжинской, жены «умершего дворянина Якова Гоздава Пучковского, подстолия Опочинского»²⁰. Это прямое указание на герб. Герб Гоздава (Gozdawa): в червленом поле серебряная двойная лилия с золотым перстнем в середине. В напьемнике – семь павлиньих перьев, обремененных такой же фигурой (ил. 12).

Несмотря на то, что черниговские Пучковские о гербе нигде не упоминают, однако один из них, а именно значковый товарищ Максим Пучковский, использовал печать, на которой был изображен герб: в овальном щите две шпаги в крест. Щит помещен на мантию и увенчан княжеской короной (1743) (ил. 13)²¹.

Ил. 15. Герб Бялыня. Воспроизводится из:
Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego.
Т. 2. Lipsk, 1841. S. 129

Ил. 16. Герб Бэлина. Воспроизводится из:
Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego.
Т. 2. Lipsk, 1841. S. 9

Герб очень напоминает опрокинутый герб Пелеш (Pielesz): в червленом поле два серебряных меча с золотыми рукоятями косым крестом острием вверх. В нашламнике – три страусовых пера (ил. 14). На печати вместо мечей – шпаги и дополняют гербовый щит атрибуты княжеского достоинства.

Несколько неожиданна вариативность **герба Заблоцких**.

Нам известен шляхетский род Заблоцких герба Бялыня (Białynia), именно к этому гербу относят его украинские историки, хотя упомянутый выше Т. Гайль называет и другие гербы этой фамилии, всего семь гербов: от Лады и Сулимы до «власного» герба Заблоцки (Zablocki)²².

Попутно заметим, что печатей черниговского рода Заблоцких не сохранилось, но зато достоверно известно из «Малороссийского гербовника», что у Заблоцких-Десятковских был такой герб: «Щит: в голубом поле подкова, сопровождаемая внутри золотым кавалерским крестом, над которым стрела. Нашлемник: пять страусовых перьев. (Бялыня)»²³ (ил. 15). Авторы гербовника ссылаются на Архив черниговского дворянства, дело № 4642. И нет никаких оснований сомневаться в добросовестности авторов, имевших под рукой подлинные документы.

И все было бы ничего, однако неожиданность нас поджидает в другом месте. В материалах Гербового отделения Сената, опубликованных не так давно Борисовым, читаем: «...Заблоцких – в гербе золотая подкова шипами вниз, на ней меч, острием вниз. По его сторонам по золотой подкове, обращенной шипами к бокам щита. Нашлемник – рука в золотых латах с золотым мечом. Намет червленый с золотом. (Польский герб „Бэлина“ (Belina).)» (ил. 16)²⁴.

Откуда взялась Бэлина вместо Бялыни? На слух почти похожие, гербы совсем разные и один не может быть разновидностью, «одмяной», другого, хотя иногда приходится выслушивать и такое мнение. По моему предположению, произошла ошибка. Вряд ли ошибся художник при перерисовке герба из дела, поступившего в Герольдино, вероятно, ошибся сам проситель, выславший неверный рисунок. Возможно, оригинального герба, которым бы пользовались эти Заблоцкие, у него не было, и взял он за основу рисунок, например, из какого-то польского гербовника, а там эти гербы практически рядом, да и перепутал Бялыню с Бэлиной... Чтобы проверить

Ил. 17. Герб рода Рубцов.

Воспроизводится из: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1816. Ч. 9. Л. 39. Научная библиотека Государственного Эрмитажа

Ил. 18. Печать Андрея Рубца 1738 года. Прорисовка А. В. Шпунтова по материалам, предоставленным О. А. Однороженько

– сердце, увенчанное крестом и пронзенное саблею и стрелой, остриями вниз (встречается на печати 1712 года Юрия Ильича, полкового судьи, на печати 1738 года Андрея, полкового судьи) (ил. 18);

– стрела с двойным острием вверх над тремя укороченными поясами (брусками) – самая известная эмблема, которая встречается на печатях того же полкового судьи Андрея 1752 года, топальского сотника Григория в 1753–1772 годах (ил. 19, 20) и Михаила Якимовича, городского атамана стародубского (в 1767–1770 годах) (ил. 21) и земского подсудка (1769 года) (ил. 22)²⁶.

Интересно, как происходила эволюция напьемника: сначала – это страусовые перья (печать 1767 года), затем появляется рука, сжимающая жезл (1767–1770), потом – сжимающая сломанную стрелу (1769).

В «Общем гербовнике» в напьемнике рука держит стрелу с двойным острием.

Изменялись и бруска в щите. Сначала это три простых прямых укороченных пояса, и герб этот – шляхетский герб Рубеш. Но на печати Михаила Якимовича (1769) мы видим уже не три бруска, а три волнистых пояса («реки»), но при этом и стрела – с одним наконечником и с оперением внизу, чего раньше не наблюдалось.

А что нам дают архивные материалы из Герольдии?

мою версию, надо для начала перебрать все дела, поступившие в Герольдию от Заблоцких, но увы, таких дел 42, от Виленской и Киевской до Тифлисской и Костромской губерний, следовательно, на данный момент это не представляется возможным.

Третий герб, герб рода Рубцов, внесенный в «Общий Гербовник», хорошо известен: «В щите, имеющем серебряное поле, горизонтально одна под другой изображены три реки (лазурных), нижняя в меньшем виде, а другая более и более, и стрела без перьев с двумя железками, обращенная вверх. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною, на поверхности которой находится согбенная в латах рука, держащая таковую же стрелу, как означена в щите. Намет на щите серебряный, подложенный голубым» (ил. 17)²⁵.

В основе этого герба шляхетский герб Рубеш: в червленом поле серебряные гамиды, увенчанные стрелой того же металла без оперенья о двух железках, одна над другой. В напьемнике – три пера страусовых.

На многочисленных печатях Рубцов присутствует несколько типов эмблем:

Ил. 19. Печать Григория Рубца 1753 года.
Прорисовка А. В. Шпунтова по материалам,
предоставленным О. А. Однороженко

Ил. 20. Печать Григория Рубца 1772 года.
Воспроизводится из: *Ситий І.* Козацька
Україна: печатки, герби, знаки та емблеми
кінця XVI–XVIII століть. Київ, 2017. С. 611

Ил. 21. Печать Михаила Рубца 1767 года.
Прорисовка А. В. Шпунтова по материалам,
предоставленным О. А. Однороженко

Ил. 22. Печать Михаила Рубца 1769 года.
Прорисовка А. В. Шпунтова по материалам,
предоставленным О. А. Однороженко

Герб в деле о дворянстве: «Герб фамилии Господ Рубцов под названием Рубеж. Смoтpи графа Куропатницкого в Ведомости его о гербах в части 3-й на странице 46.

Три градусы снизу короткие, а сверху длиннейшее. На третьем стрела без перья и как бы о двух железцах имеет быть одно под другим. На верху короны военная рука, держащая стрелу, таковую ж как и на щите показана.

И что сей герб в такой фигуре, как оногo рисунок раскрашенный красками явствует в роде судьи земского Григория Андреева сына господина Рубца издавна всею фамилиею употреблялся и ныне употребляется в том мы ниже подписавшиися свидетельствуем»²⁷ (ил. 23).

В принципе здесь нет ничего нового: герб почти тождественен тому, что представлен на печати, только мы видим здесь, что поле щита серебряное, а «бруски», они же «градусь», красные.

В описании герба²⁸ использован нечасто встречающийся термин «градусь» (gradusy), что с латыни переводится как «ступени» (stopień). (Интересный блазон мы находим у С. Гуржиньского: «...na trzech stopniach (gradusach)», то есть: «...на трех ступенях (градусах)», правда это относится гербу Корниц, но одна из фигур в нем идентична той, что

Гербъ срамининъ Госпождь Рубцовъ.

Подъ Названемъ рубцовъ! Смотри Графа Куропатникаго въ ведомости его о гербахъ въ части 3^{ей} на стараницѣ, 46ой

Три Градишъ въ низу коротше, а въ верху длиннѣйше на переполовъ стержня безъ поторья и канѣва однихъ Железцахъ и пестей бытъ одно поддремивъ на верху короны военная рука держащая стержню таковыюжъ каная и каньитъ поименована.

Чтобы сей гербъ въ танной ордноръ какъ отаго рисунки раскрашенный красными явствуетъ въ родѣ оуди Земснаго Тригоря андреева сына Господина рубца издавна всею сраминиею употреблялся и ныне употребляется въ томъ же мнѣнѣ поименованъ въ сраминскихъ сраминскихъ сраминскихъ.

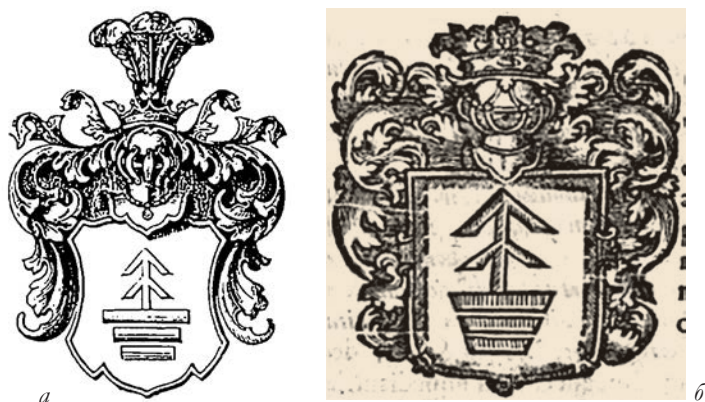
Маршалъ Поктаи сраминского
Губернаторъ сраминский

Министръ сраминский
Сраминский

Сраминский: Сраминский: Сраминский
Сраминский: Сраминский: Сраминский
Сраминский: Сраминский: Сраминский

Ил. 23. Герб Рубцов. Российский государственный исторический архив.

Ф. 1343. Оп. 28. Д. 3029. Л. 2

Ил. 24. Герб Рубеш. Воспроизводится из:
a – Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego. T. 8. Lipsk, 1841. S. 172;
б – Okolski S. Orbis Polonus. T. 2. Cracoviae, 1641. P. 654

Ил. 25. Герб Рубеж. Воспроизводится из:
 Kojalowicz W. W. Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany
 Compendium. Kraków, 1897. S. 26

присутствует в гербе Рубеш)²⁹. В описании герба Рубеш применительно к гамаидам мы встречаем у польских геральдистов такие термины, как «врубь» (*wręby*) («врубь» у нас переводят как «бруски», а по-польски дословно это «бороздки») у Несецкого (ил. 24 а), Островского и Ступинского; «бельки» (*belki*) у Лещица, то есть «брусья»; «реки» (*flumina*) у Окольского³⁰ (ил. 24 б). А у А. Б. Лакиера герб описан совсем необычно: «Рубеж (*Rubiesz*) состоит из трех полос или дорог, границ, постепенно укорачивающихся книзу, на верхней полосе находится стрела с двумя остриями, одно под другим расположенными, наподобие двух соединенных между собою стропил»³¹. Суть герба и даже его рисунок при этом остается практически неизменным. Пожалуй, только у А. В. Кояловича³² герб имеет разновидность, когда гамаиды перевернуты (ил. 25).

На этом хотелось бы закончить наш краткий обзор.

Разделение рода на ветви, сначала географически (смена локации), затем идеологически (смена конфессии и подданничества) и социально (переход из служилого сословия в духовное или движение по статусной лестнице вверх – вниз), приводило к утрате коммуникативных внутривидовых связей, когда «родственников» (уже в кавычках!)

за пределами ойкумены, ограниченной, как правило, парой соседних губерний, а иногда даже уездов, никто не воспринимал как своих, стиралась даже генетическая память. Что ж говорить о гербах!

Показателен пример с Пучковскими. Та ветвь рода, которая вышла из Речи Посполитой, обосновавшись на Черниговщине, образовала нежинскую и стародубскую ветви, причем каждая из этих ветвей разделялась по «профессиональным» династиям (на священников и казаков), и этот родовой «коктейль» не перемешивался. Самобытный герб на печати, которой пользовался казак Стародубского полка Максим Пучковский, не был знаком другим ветвям рода, а ему самому, надо полагать, ничего не было известно о гербе «Гоздава» волинских Пучковских.

Заблоцкие, вероятнее всего, хранили как родовую память герб Бяльня, однако не все из них использовали этот герб на практике (от тех же Заблоцких-Десятовских не осталось (или не обнаружено?) сфрагистического материала), в результате чего и произошло у кого-то из представителей рода смешение Бяльни с Бэлиной.

Рубцы – пожалуй, наиболее консервативный род. Они проживали (до утверждения их во дворянстве, по крайней мере) относительно компактно, имея почти всегда достойный социальный статус. И герб их, хотя и несколько вариативен (за одним исключением – см. ил. 18), легко узнаваем. Впрочем, лишь графически, но не вербально. И дело здесь не только в неустойчивости блазонной терминологии.

Механистическое воспроизведение блазона, взятого из случайного гербовника, не подразумевало его понимания, не говоря уж о наделении «рунических» (или тамгоподобных) фигур герба ментальными смыслами, подобно тому, как это происходило чуть ранее, но в этих же краях, в кругах церковных иерархов, которые «по должности» занимались трактованием символов. Блазон использовался как дополнительный «книжный» (чтобы не сказать научный) аргумент подлинности и древности, а не как образец, позволяющий визуализировать данный герб.

В этом смысле герб на печати Максима Пучковского, не имевший аналога в гербовниках и не отягощенный блазоном, не содержащий неопределенных фигур (как у Рубцов: реки? ступени? бруски?), понимался вполне прямолинейно: шпаги – оружие рыцаря, шляхтича, казака. И гербовый щит на печати Пучковского, который дополнен княжескими атрибутами, на самом деле не включает указание на княжеское достоинство, мантия и митра здесь лишь украшения, более презентативные, чем растительный орнамент, но и только.

Герб воспроизводили не по геральдически неясному для обычных людей описанию, а по некоторому рисунку, взятому то ли из гербовника, то ли с печати. Можно сказать, что на бытовом уровне герб описывался, говоря словами одного из составителей таких гербовников, А. В. Кояловича, формулой *taki, iako widzisz tu* («таков, как видишь тут») ³³.

В результате это обстоятельство приводило к таким казусам, какой случился с гербом Заблоцких, когда рисунка под рукой не оказалось, а в название герба вкралась ошибка.

В это время, когда неустойчивыми были не столько термины, употребляемые в узких кругах знатоков геральдики, а, прежде всего, общественные отношения, когда была предпринята попытка создания независимого государства по обеим сторонам Днепра, приведшая к появлению Гетманщины, автономного образования, инкорпорированного к концу XVIII века в Российскую империю, время, когда рвались связи между поколениями, тогда только начиналось формирование геральдических традиций,

герб постепенно обретал свой статус как нечто неизменное. И пока за дело не взялась Герольдия, образцы гербов заимствовались из польских гербовников, коих было достаточное количество. Рисунки гербов раскрашивались по воле хозяина, блазоны же, отличающиеся от гербовника к гербовнику, никто не согласовывал...

Вероятно, в Малороссии так и не сформировалось за редким исключением бережное отношение к гербу. Он продолжал оставаться не более чем атрибутом шляхетского достоинства: важно было его наличие, а не содержание.

Впрочем, каждый из названных родов с их гербами заслуживает отдельного большого исследования: авторы продолжают собирать генеалогические и геральдические материалы, теша себя мыслью об их публикации.

- 1 Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники: (опыт исторического исследования) / [соч.] С. Голубева. Киев, 1883–1898. С. 262, 263.
- 2 Паведамленне зямянiна маентка Гаравец Фiлона Рагозы / Нацыянальны гiстарычны архiў Беларусi. Ф. 1727. Воп. 1. Спр. 1. Л. 1322–1323 // Книга память «Смолевичский район». URL: <https://ramyat.do.am/index/0-30> (дата обращения: 09.01.2023).
- 3 *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Sectio 2. Vol. 13 (19). Fasc. 1–4. Romae, 1988. P. 145, 146, 181.*
- 4 *Филарет (Гумилевский)*. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5–7. Т. 6 : Уезды: Новгородсеверский, Сосницкий, Городницкий, Конотопский и Борзенский. Чернигов, 1874. С. 367.
- 5 *Модзалевский В. А.* Малороссийский родословник. Т. 4 (П–С). Киев, 1914. С. 202–208.
- 6 *Милорадович Г. А.* Родословная книга Черниговского дворянства. Т. 1. Ч. 3. СПб., 1901. С. 272.
- 7 *Мицик Ю. А.* Забіла Іван Іванович // Києво-Могилянська академія в іменах, XVII–XVIII ст. Киев, 2001. С. 213.
- 8 *Модзалевский В. А.* Указ. соч. Т. 4. С. 368.
- 9 *Савелов А. М.* Лекции по генеалогии. Репринт: М., 1908. М., 1994. С. 93.
- 10 Государственный архив Черниговской области. Ф. 679. Оп. 1. Д. 319. Л. 590 об.
- 11 Согласно Несецкому, этот герб литовского происхождения: «Когда на границе с Москвой случались конфликты, предок этого герба (не Рубец, у Несецкого род Рубцов вообще не упомянут, речь идет о других родах, живших на пограничных литовских землях. – А. Ш.)... отважно неприятеля громил» (Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego. Т. 8. Lipsk, 1841. S. 172).
- 12 *Милорадович Г. А.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 6. СПб., 1901. С. 172.
- 13 *Модзалевский В. А.* Указ. соч. Т. 4. С. 389.
- 14 *Волков С. В., Стрелянов (Калабухов) П. Н.* Чины Русского Корпуса : биографический справочник в фотографиях. М., 2009. С. 374.
- 15 Акты, издаваемые Комиссиею, высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. Т. 15 : Декреты главнаго Литовскаго Трибунала. Вильна, 1888.
- 16 Государственный архив Черниговской области. Ф. 679. Оп. 1. Д. 260. Л. 839 об.
- 17 *Модзалевский В. А.* Указ. соч. Т. 2. Киев, 1910. С. 495.
- 18 Подробный рассказ о братьях Парфеновичах см.: *Чухню В. Е.* История населенных пунктов Украины: Середино-Будский район Сумской области. Киев, 2013. С. 257–275.
- 19 *Gail T.* Herbarz Polski od średniowiecza do XX wieku. Gdańsk, 2011.
- 20 РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 7603. Л. 3.
- 21 *Ситий І.* Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть. Київ, 2017. С. 328, 619, 654.
- 22 *Заблоцькі-Десятовькі // Енциклопедія історії України.* Т. 3. Київ, 2005. С. 182; *Gail T.* Herbarz Polski od średniowiecza do XX wieku. S. 594.
- 23 *Лукомский В. К., Модзалевский В. А.* Малороссийский гербовник. Издание Черниговского дворянства. Репринт: Киев, 1993. СПб., 1914. С. 56. Герб «Бялыня» в другом блазонировании: в лазоревом поле в серебряной опрокинутой подкове золотой крест, обремененный стрелой; в нашлаемнике пять страусовых перьев.

- ²⁴ Борисов И. В. Дворянские гербы России: опыт учета и описания XI–XXI частей «Общего Гербовника». М., 2011, С. 337. Прилож. «Дело № 8 по составлению „Сборника неутвержденных гербов Российских дворянских родов“ (Материалы Гербового Отделения Сената) Главного Управления Архивным Делом Гербового Музея».
- ²⁵ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 9. СПб., [1816]. С. 39.
- ²⁶ Ситий І. М. Козацькі печатки Гетьманщини (середина XVII–XVIII ст.). За архівними матеріалами Чернігівського історичного музею ім. В. В. Тарновського : дисс. ... канд. ист. наук. Чернігов, 2002; Ситий І. Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть. С. 611, 642.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 3029. Л. 2.
- ²⁸ *Kuropatnicki A. E.* Wiadomość o klejnocie szlacheckim. Cz. 3. Warszawa, 1789. S. 46.
- ²⁹ *Górczyński S., Kochanowski J.* Herby szlachty polskiej. Warszawa, 1990. С. 82.
- ³⁰ Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego. Т. 8. S. 172; *Ostrowski J.* Księga herbowa rodów polskich. Cz. I. Warszawa, 1897. S. 544; Cz. II. Warszawa, 1898. С. 328; *Stupnicki H.* Herbarz polski i imionospis zasłużonych w Polsce ludzi. wszystkich stanów i czasów: ułożony porządkiem alfabetycznym na podstawie Herbarza Niesieckiego i manuskryptów. Т. 3. Lwów, 1862. С. 26; *Leszczyński Z.* Herby szlachty polskiej. Т. 2. Poznań, 1908. S. 287. Tabl. LXXI; *Okolski S.* Orbis Polonus. Т. 2. Cracoviae, 1641. P. 654.
- ³¹ *Лакуер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. § 91. № 223. Репринт: М., 1990.
- ³² *Kojatowicz W. W.* Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium. Kraków: 1897. S. 268.
- ³³ Ibid.